

Гарри в последний раз за семестр откинулся на кровать в Гриффиндорской башне и тяжело вздохнул. Он бросил две книги, которые Салазар дал ему подальше, в кровать и посмотрел на заколдованное перо и книгу, заколдованную, чтобы никогда не заканчивались страницы для его аннотаций на парселтанге.

Он заметил, что его разговоры с портретом принесли свои плоды. Он не мог больше представить себя косноязычным с кем-то его возраста. Даже Дамблдор не был так хорош, как Салазар, в формулировании слов для своего блага, и после месяцев разговора с Основателем он считал себя хорошим собеседником для подростка. Ему еще предстояло пройти тестирование, но оно скоро состоится. Этим летом ему предстояло испытать свой недавно разработанный серебряный язык.

Когда он размышлял о своих днях, он все еще думал об эффективности морали. Он все еще не был уверен, что книги что-нибудь для него сделают, но именно так Салазар был наставником. Просто рассказывать вам то, что он считал бессмысленным. Вы должны были прийти к своим собственным выводам, и если вы не попали в цель, Салазар сообщит вам об этом. Тем не менее, это было неожиданно. Слизерин был безжалостен, что было ясно даже из того, что небрежно разговаривал с его портретом, и Гарри не стал бы упрекать его в том, что он беспокоился о моральных принципах в своих действиях.

Тем не менее, он был здесь и просматривал две университетские книги по этой теме, лежащие в своей постели. Они могут быть вводными, но Гарри был еще подростком. Привычка плачущего Салазара из сильно недооценивает трудность любого материала для чтения - « Учреждения прокляты» - он взял одну из книг опаски и открыла первую страницу.

Как всегда, авторские аннотации пропустил. Те никогда не могли сказать ничего конструктивного. Тем не менее, знакомство было. Можете также это прочитать.

Салазар сказал ему, что он довольно быстро научился читать нехудожественную магловскую литературу, что большинство книг предназначалось для использования в качестве справочного руководства, и очень мало того, что нужно было прочитать, чтобы понять книгу или диссертацию. « Никому в мировой истории никогда не нравилось читать или писать академические статьи », - сказал он Гарри. Знать, что читать и что пропускать в таких книгах, было наукой, которой молодой волшебник хотел научиться, но чувствовал, что это не по силам ему, по крайней мере, на данный момент.

Первое, что поразило Гарри, - это разница между даже более продвинутыми книгами, которые он читал в Зале о магии, и текст этой книги был открытостью восприимчивости к различным точкам зрения магловской книги.

« Этика - это сложно. Необязательно, чтобы слабость или нечеткое мышление мешали нам понять, что нужно делать, или какие цели нужно стремиться. . Хотя мы можем стремиться к ясности и простоте, это желание простых ответов неизбежно будет постоянно разочаровываться ».

Гарри не мог представить, чтобы волшебная книга когда-либо инструктировала волшебника думать самостоятельно на предмет, который он поддерживает. Книги в Палате были учебными пособиями, по большей части намекающими на области академических разногласий, прежде чем сосредоточиться на том, что автор считал правильным. Те, кто в его списке книг для лекций, были еще менее склонны признавать существование какого-либо академического диссидентства. Может быть, именно поэтому в Волшебном мире проводилось так мало исследований.

« Многие люди считают, что когда дело доходит до искусства, красота в глазах смотрящего - не существует объективных, универсальных стандартов хорошего вкуса. Предположим, что это правда. Предположим, что мораль в этом отношении ничем не отличается от искусства. Наши вкусы можно воспитывать и улучшать. Многие люди гораздо мудрее меня в отношении музыки и живописи, например. Даже если не существует универсальных стандартов хорошего вкуса, было бы глупо с моей стороны упустить шанс поговорить с ними . Почему я должен отвергать их мнение и отказываться выслушивать их? Я не гений. Может, я мог бы кое-что узнать ».

И снова Гарри перестал читать и задумался. Это было более или менее именно то, во что он верил, прежде чем открыть книгу. Что было бы бесполезно изучать этику, если бы не было абсолютной истины, которую нужно было бы открыть, - а он твердо верил, что это не так. «В книге это называется моральным скептицизмом , верно?»

Гарри также подумал, что книга слишком велика, чтобы рассеянно останавливаться и задавать вопросы, не делая заметок, иначе он забудет первую главу на полпути ко второй. Итак, он активировал заколдованное перо, произнес несколько слов, чтобы проверить, говорит ли он на парселтанге , и применил маффлиато , начал произносить свои размышления вслух или просто повторял то, что было написано в книге, если он нашел это интересным.

« Как мы увидим, ни одна фундаментальная теория о хорошей жизни, наших моральных обязанностях или статусе морали - не заслужила хоть сколько -нибудь единодушной поддержки среди философов». Гарри заметил, что маглы гораздо более гибки в отношении морали, чем волшебники, казалось, учитывая то мнение, которое открыто разделяли такие люди, как Хагрид, Рон, Дамблдор и Малфой. В том, как они говорили, было чувство морального абсолютизма, как будто они знали лучше. Это не было высокомерием, по крайней мере, точно не в случае с Роном - мальчик был так же ущербен, как и все остальные, но Мерлин знал, что высокомерие определенно не проблема - а просто абсолютное чувство Правоты.

"Интересно, почему это так?" - спросил себя Гарри, на мгновение забыв о книге в руках и с удовлетворением отметив, что перо не улавливает его размышления. Может быть, он написал только в том случае, если его интонация хотела, чтобы это сработало. « Магия была намерением, а сила воли применялась к реальности», - так сказал Салазар: «Я полагаю, маглы не дают огнестрельное оружие детям, когда им одиннадцать, как волшебники. Такая сила, данная подросткам, сработает только в том случае, если вы действительно отговорите их делать определенные вещи. Если бы волшебники были такими же гибкими в моральном отношении, как маглы, с таким же надзором, как здесь, в Хогвартсе, место бы колебалось между полем битвы и оргией ».

Гарри не забыл направить перо, чтобы написать это наблюдение с напоминанием о том, чтобы

спросить Салазара о его мнении. Он продолжал читать, пока не добрался до начала своей первой главы. Гедонизм. Гарри слышал это слово раньше, но понятия не имел, что оно означает.

« Что делает каждую из этих жизней такими хорошими? Есть ли какая-то особенность, которую разделяет каждый из них, что-то, что объясняет, почему они так хороши, как они есть? Если да, то что это такое? Самый популярный ответ - это то, что вы бы хотели ожидать: счастье. С этой точки зрения, хорошая жизнь - это счастливая жизнь. Это означает нечто довольно конкретное. Это означает, что счастье необходимо для хорошей жизни; жизнь без счастья не может быть хорошей жизнью. Это также означает, что счастья достаточно для хорошей жизни: когда вы счастливы, ваша жизнь идет хорошо. Чем вы счастливее, тем лучше ваша жизнь складывается для вас. И чем вы несчастнее, тем вам хуже. единственная вещь, которая по своей сути ценна: счастье. Все остальное ценно только в той мере, в какой делает нас счастливыми ».

Так это гедонизм? Что ж, это имело смысл. Гарри задумчиво нахмурился. Он хотел быть счастливым, но это больше не было его главной целью в жизни. Палата и Салазар думали, что интерес для него важнее, чем счастье, и он мог с этим жить. Он предпочел бы быть свободным и несчастным, чем счастливым и невежественным, и он не мог открыто ограничивать свой собственный потенциал ради счастья. « Значит, я не гедонист ».

Гарри хотел пропустить эту главу, но передумал. Он мог чему-то научиться, но он все еще не понимал, каковы моральные мотивы Дамблдора и Риддла. Он сомневался, что найдет их в первой главе, но, может, попробуем, верно?

« Гедонизм предлагает нам своего рода гибкость, которой не хватает некоторым из его конкурентов. Многие из этих конкурентов определяют вид деятельности, такой как занятие философией, как величайшее благо. Затем они говорят, что те, кто ее не преследует или преследуют, это плохо, неспособны вести хорошую жизнь. Гедонизм отвергает все такие подходы. Лучшее занятие для людей - это то, что приносит нам величайшее счастье. Но то, что делает меня счастливым, не обязательно делает вас счастливыми. Итак, мой рецепт хорошая жизнь может сильно отличаться от вашей ". Гарри фыркнул. Определенно не Дамблдор. Однако кое-что, что автор написал в предыдущем абзаце, привлекло его внимание в отношении директора. "Могут ли лесорубы, профессиональные спортсмены или музыканты жить хорошо? Не согласно Платону (427-347 до н. Э.) И Аристотелю (384-322 до н. Э.), Которые считали, что философские размышления необходимы для действительно хорошей жизни. Сегодня мы, вероятно, откажемся от таких взглядов, как узколобые и элитарные. "

Альбус Дамблдор наверняка принадлежал к Платону и Аристотелевской школе мудрецов более святых, чем ты. Если вы сменили философское размышление на умеренное и сдержанное любопытство к магии, вы бы описали Дамблдора в шутку.

« В некотором смысле, однако, гедонизм не позволяет нам сказать последнее слово о том, что хорошо для нас. Если гедонизм верен, то счастье улучшает нашу жизнь, независимо от того, думаем мы так или нет. По мнению гедонистов, те, кто это отрицают. счастье - это высшее благо, ошибаются, независимо от того, насколько искренне их отрицание. Таким образом, гедонизм следует по срединному пути между подходами к хорошей жизни, которые диктуют

универсальную модель, и подходами, которые позволяют каждому человеку выбирать сама именно то, что ценно ".

Гарри нахмурился. Ему не нравилась мысль о том, что он не может решить, что для него хорошо, и принять это. Это слишком напомнило ему доводы Дамблдора в пользу его продолжающегося возвращения на Тисовую улицу. Он не мог придумать ни одного человека, который подходил бы под это описание гедониста.

Он подумал несколько минут и попытался перечислить всех волшебников, которых встречал за предыдущие три года. Рон подошел близко, но был слишком непреклонен, чтобы быть гедонистом. Может быть, он знал других гриффиндорцев, но знал их недостаточно хорошо, и они, похоже, тоже не отвечали всем требованиям. Может быть, это было добровольно из-за их Дома, но большинство из них было одержимо желанием казаться храбрым, несмотря на личное удобство, которое лишало их этого ярлыка.

Когда он подошел к концу третьего курса, его лицо внезапно остановилось на секунду, прежде чем его челюсть открылась, а глаза выпучились.

- Боже мой, - пробормотал Гарри, глядя на книгу наполовину со страхом, наполовину с трепетом, - Сириус.

Словно взяв очередь от Гарри, книга внезапно перевернулась на много страниц вперед, и перо написало - к удивлению Гарри, все еще на парселтанге - слова большими и замысловатыми петлями слова «СИРИУС ЧЕРНЫЙ» заглавными буквами (шевелится? ).

Перо указывало на Гарри, словно стояло по стойке смирно, и внезапно из его горла вырвался тихий смешок, который вскоре перешел в неконтролируемый хохот.

«Ты, хитрый старый ублюдок, - сказал Гарри, вытирая слезу, и все еще глядя на свою книгу и учебник маглов с радостным трепетом, - теперь в этом гораздо больше смысла».

Гарри потакал, казалось бы, нетерпеливому перу и начал тихонько шипеть впечатления от Сириуса, которые он получил от разговоров со своими учителями и его кратких взаимодействий с этим человеком.

« Сириус Блэк - верный и храбрый человек, во многих смыслах настоящий гриффиндорец. Он взрывоопасен, когда злится, и Аскабан сделал из него пушку против любого, кто его злит. У него большое сердце и хорошая способность к привязанности. МакГонагалл думала, что это так. быть остроумным и талантливым, но в то же время очень высокомерным, вероятно, из-за своего воспитания. Он был изгнан из семьи Блэков после того, как попал в Гриффиндор, и отказался от своего наследия, несмотря на то, что находился в линии преемственности. Его действия показывают, что его главной заботой было его удовольствие и счастье и что его благие намерения пришли защищать тех, кого он любил, вероятно, потому что сказал акты сделали его счастливым. Сириус кажется Hedonist. Ссылка Глава первая . "

Гарри почти не чувствовал себя самым собой, когда составлял психологический портрет своего крестного отца, человека, о котором он заботился, но в данный момент он не возражал. Одна только эта книга сделала его парселтанг того достойным. Он мог описать кого угодно, и никто на Земле, которого он знал, кроме Риддла, не мог понять этого. Это был дневник, в котором он мог писать что угодно, и никто не узнает о его содержании, даже если его украдут. Покачивая головой и ухмыляясь, как идиот, Гарри мысленно поблагодарил Салазара и постарался проверить свою теорию о гедонизме Сириуса в следующий раз, когда он увидит этого человека.

Он продолжал читать главу, пока не достиг части нынешней критики гедонизма. « Я вспоминаю выступление врача, который описал своего пациента (которому, возможно, была сделана префронтальная лоботомия), как « совершенно счастливого целый день, собирая листья ». Это произвело на меня впечатление, потому что я подумал: « Ну, большинство из нас не счастлив весь день, делая то, что мы делаем », и понял, как странно было бы думать, что самый добрый из отцов устроит такую операцию своему (совершенно нормальному) ребенку ».

Это было ... грубо. Но это также было хорошим обобщением собственного мнения Гарри по этому поводу. Он записал это, чувствуя гордость за то, что пришел к выводу, к которому также пришел и о котором писал философ.

« Это хорошо - иметь возможность осуществлять автономный выбор, и это объясняет, что вызывает возражения в патернализме - кто-то ограничивает вашу свободу против вашей воли, но для вашего же блага. Общество браков по договоренности, принудительного выбора профессии, законодательства, запрещающего азартные игры, и Законы о мотоциклетных шлемах могут привести к большому счастью. В некоторых случаях эти ограничения могут быть действительно оправданы. И все же есть о чем сожалеть. Мы теряем возможность рисковать, рисковать своим счастьем, пользоваться настоящей свободой. Манипуляции и патернализм, даже если они осуществляются таким образом, чтобы приносить нам счастье, все же в некоторой степени вызывают возражения. И это потому, что они приносят в жертву нечто, имеющее внутреннюю ценность: автономию. Счастье - не единственное, что важно само по себе. Автономия - это , слишком. "

ДА, ДА, ДА . Теперь Гарри был полностью убежден, что это лучшая книга, которую он когда-либо читал. Это было именно то , что Дамблдор пытался сделать с ним. Его намерения не были плохими, но он был до крайности патерналистичен. Описание Салазаром директора как стремящегося быть моральным компасом волшебников повсюду было как никогда яснее, чем сейчас.

Он заказал перо, чтобы создать главу об Альбусе Дамблдоре. Он рассчитывал, что одна из них будет самой длинной в его собственной книге. После шипения своих наблюдений над патернализмом Дамблдора Гарри был удивлен, увидев, что он уже дошел до конца первой главы.

«Хорошо, - кивнул Гарри, - мы переходим ко второй главе».

«Ты ужасно выглядишь, Гарри», - обеспокоенно сказала Гермиона, мягко нахмурившись, глядя

на мешковатые глаза и слегка бледную кожу своей лучшей подруги.

«Я плохо спал, Гермиона, - Гарри мягко улыбнулся в знак признательности, но его усталый мозг не позволял ему делать что-то еще, - но я в порядке, правда».

«Черт возьми, Гарри, ты знаешь, Гермиона права», - сказал Рон за шоколадной лягушкой, - «ты выглядишь довольно остроумным. Что случилось, приятель?»

«Все в порядке, Рон, просто плохая ночь», - сказал Гарри и поднял ладонь, чтобы прервать то, что Гермиона собиралась сказать, «и нет, прежде чем ты спросишь, у меня не было кошмаров. Я просто не мог спать . "»

На самом деле Гарри только что часами читал свою новую книгу по этике и, когда мог, делал наблюдения. В данный момент он застрял на третьей главе и продолжил бы читать, если бы его не прервал голод.

Гарри также внимательно следил за Гермионой, пока она переваривала его ответ, слегка грустно кивнув. В последнее время вспыльчивость девушки проявлялась гораздо ярче, чем обычно. Поначалу это было похоже на обычную тревогу на экзаменах, но экзамены пришли и закончились, и ее вспыльчивый нрав сохранялся. Гарри спросил, достаточно ли она выспалась, когда использовала указатель времени, но она заверила его, что после всего инцидента с Клювокрылом она гораздо лучше контролировала использование устройства и пыталась сократить свой безумный график так же сильно, как и она. мог. Рон совершил ошибку, спросив Гарри в довольно громкой попытке замолчать, была ли Гермиона в « то время месяца».однажды. Гарри был неподготовлен к громкому визгу, исходящему от его лучшей подруги, когда она гналась за его лучшим другом-мужчиной по общей гостиной, ее палочка стреляла колющим заклинанием за колющим заклинанием в рыжую.

Однако в данный момент ее забота сияла ярче, чем когда-либо было ее вспыльчивость. Она принесла ему кусочки тоста и бекона, завернутые в аккуратную салфетку, когда поняла, что он слишком поздно позавтракал, и к тому времени, когда дама в троллейбусе прошла через их купе, он уже не голодал.

"Вы беспокоитесь о том, чтобы провести лето с магглами?" - спросил Рон с невинным выражением лица. Гермиона удивленно посмотрела на рыжего после его наблюдения, прежде чем повернуться к Гарри с подавленным выражением лица.

«О, Гарри, мне так жаль, что тебе пришлось провести лето с этими ужасными родственниками», - Гермиона посмотрела на Гарри так, словно хотела заключить его в одно из своих запатентованных сокрушительных объятий и никогда не отпускать, но после немного поерзал.

Рон тихо кивнул, ему было неудобно отвечать взаимностью на эмоциональную демонстрацию молодой ведьмы, но он понимал, что лето никогда не было хорошим временем для Гарри. Этот волшебник кивнул в ответ, понимая настроение, прежде чем пробормотать что-то о том, чтобы

не беспокоиться об этом. Рон издали посмотрел на него, вспомнив решетку на окнах комнаты Гарри в доме Дурслей. Гермиона может быть умнее, чем он когда-либо, но у Рона был свой личный интеллект, и после того, как он стал свидетелем этой сцены и того, как голоден был его лучший друг после того, как наконец добрался до Норы, у него сложилось впечатление, что его домашняя жизнь была намного хуже, чем ведьма подозревала. Тем не менее, это был секрет Гарри, который должен был раскрыть, и Рон не хотел присутствовать при следующем взрыве на горе Гермиона, если он не был направлен против него.

«По крайней мере, мы сможем вместе поехать на чемпионат мира!», - бодро сказал Рон, пытаясь развеселить мрачное настроение, установившееся в купе. «Это будет великолепно!»

«Да, я тоже взволнован», - улыбнулся Гарри. Втайне он задавался вопросом, как это может помешать его летним планам, но у него было время, чтобы понять это. Он не поедет с Уизли и Гермионой до середины августа. К тому времени большая часть того, что он планировал, уже будет сделано или будет выполняться.

«Интересно, как они могут скрыть так много волшебников от маглов во время мероприятия», - сказала Гермиона, прикусив нижнюю губу в глубоком раздумье, - «невозможно, чтобы сработало только одно заклинание « Уведомляй меня ». Отделение репеллентов от маглов? "

Гарри и Рон сдержанно улыбнулись. Было бы так же, как Гермиона, больше заботиться о логистике, чем о спорте.

«О, Гермиона, к слову о варде», - сказал Гарри, привлекая внимание к ведьме, которая все еще бормотала о требованиях к силе и рунических камнях. «Я поговорил с МакГонагалл, в следующем году я откажусь от гадания и возьму Арифмантию и древние руны».

"Гарри!" Гермиона взвизгнула, на этот раз не сдерживаясь, и бросилась на волшебника, который немного рассмеялся после того, как напрягся от удивления от внезапного контакта. В последнее время Гермиона была совсем другой. С тех пор, как они освободили Клювокрыла и Сириуса, ее настроение ухудшилось, но она также стала более нежной и больше наслаждалась физическим контактом. Их совместное времяпрепровождение в библиотеке сделало ее еще теплее для Гарри, что сделало его немного двусмысленным в отношении этой новой Гермионы. Может быть, он мог бы использовать книгу и для ее анализа. «Я так горжусь тобой! Руны так интересны, и у них так много применений! Знаете ли вы, что волшебные туалеты использовали руны на протяжении тысячелетий, чтобы исчезнуть и очистить себя? Профессор Баббллинг потрясающий, она» Ему еще нет и тридцати, и он считается одним из лучших мастеров рун в стране. Ее лекции самые лучшие. Я принесу вам свои заметки с третьего курса по обоим предметам, чтобы вы могли наверстать упущенное за лето ".

«Психологи, все вы такие, - сказал Рон, кусая лакричную палочку, - зачем брать более тяжелые классы?»

«Честно говоря, Рональд! Ты мог бы узнать намного больше, если бы просто посвятил себя», - фыркнула Гермиона. В ответ Рон просто осторожно швырнул свою конфету в Гермиону,

которая взвизгнула и сурово пожаловалась: «Рональд!», Но всплеск ее губ никого не обманул.

Гарри смеялся над их выходками, но защищал ведьму: «Знаешь, ты мог бы многому научиться у Рун», - пожал плечами он, «Я не думаю, что Арифмантика - твой стиль, но Руны действительно крутые».

«Гермиона, верни мне мою палочку, я хочу бросить ее в Гарри».

Все трое рассмеялись и перешли к непринужденному разговору. По крайней мере, его лето начиналось хорошо.

"Куда ты идешь, мальчик?"

Изначально Гарри планировал провести некоторое время на Тисовой улице, чтобы прочитать свою новую книгу по этике, полностью ожидая, что отношение Дурслей к нему изменится с оскорбительного на испуганное, благодаря его ненормальному крестному серийному убийце. Его раздражало, что репутация Сириуса была незаслуженно разорвана после побега Петтигрю, но эй, ты работаешь с тем, что у тебя есть.

Неделя игнорирования домочадцев была на удивление счастливой. Десятилетний Гарри Поттер отдал бы свою левую ногу за такой уровень покоя. Тринадцатилетнего Гарри Поттера это тоже вполне устраивало, но музыкальных стилей нытья Дадли было достаточно, чтобы мотивировать его заполучить Феликса Фелициса и навести справки о скрытом имуществе его семьи на Косом переулке с гоблинами. Ему придется дожидаться письма Флитвика, чтобы продолжить свои планы, но он мог бы избавиться от письма Дурслей сегодня, если все получится. Ему потребовалась неделя, чтобы найти промоушен, который предлагал бы семье из трех человек поездку по Франции и Италии на целый месяц с оплатой всех расходов. К концу пятого дня поисков он был наполовину соблазнен спуститься на «Феликс Фелицис» только для того, чтобы больше не искать.

«Я просто иду прогуляться», - сказал Гарри, глядя на дядю, который явно боролся между желанием запереть его в своей комнате на все лето и страхом возмездия.

«Иди и делай, что хочешь, урод. Только не занимайся своими странностями там, где наши соседи видят тебя, у меня нет вопросов от них».

«Моя палочка в моей комнате, дядя», - объяснил Гарри, не желая признавать, что он практиковал свою Серпенсортию без палочки и начал показывать некоторые результаты, даже если змеи-подвязки, которых он постоянно призывал, были маленькими и не впечатляющими по сравнению с кобр и гадюк мог вызывать Салазар, не говоря уже о Василе.

«НЕ ГОВОРИТЕ СО МНОЙ, УЖАС!» Его дядя огрызнулся, прежде чем уродливо поморщиться и жестом приказать Гарри уйти, прежде чем он взорвался и, по крайней мере, заслужил свой ужасный конец от рук маниакального серийного убийцы, избавив мир от зеленоглазого

урода. Иногда это тоже было заманчиво. Будучи слишком счастлив подчиниться, Гарри, защищаясь, поднял руки и пошел в сторону ближайшего рынка. Что кондитер думал, что шоколад будет иметь отношение к поездке через Францию и вниз в Италию? Гарри понятия не имел, но это послужит его целям.

Прежде чем купить на рынке плитку случайного шоколада, Гарри вытащил из кармана зелье Феликса Фелициса, выпив половину за один присест. Двенадцать часов удачи должны сделать свое дело, и он сможет получить вторую половину на черный день.

"О, вы пытаетесь получить повышение, молодой человек?" Пожилая дама за кассой снисходительно улыбнулась подростку, несущему только одну плитку шоколада, которую все покупали, чтобы попытаться получить бесплатную поездку.

«Да, мэм», - молодой мальчик вежливо улыбнулся красивым мягким голосом, как будто он не хотел разбудить спящую кошку между ними двумя. У него тоже были такие красивые зеленые глаза, подумала старушка: «Я буду очень счастлива, если смогу выиграть этот приз для своей семьи».

«Что ж, молодой человек, если вы такой вежливый, почему бы вам не взять бесплатно еще одну плитку шоколада?» старушка широко улыбнулась удивленному лицу подростка. Мальчик казался таким милым! Вежливее, чем другие молодые люди, купившие шоколад для проклятой акции. Она не знала, что мальчика удивило то, как быстро подействовало зелье, а не ее щедрость. Приняв себя, Гарри широко улыбнулся.

"Большое спасибо, мэм!"

Заплатив за один бар и взяв другой такой же, он помахал ей на прощание и открыл бар, который купил, но ничего не нашел. Смущенно нахмурившись и почувствовав легкий страх, что его планы не сработают, он замер на улице и дрожащими пальцами открыл вторую плитку шоколада. Смеясь над подарочным сертификатом, который упал ему в руку, подтверждая, что он стал победителем акции от плитки шоколада, которую ему оказали в качестве вежливости, он мысленно поблагодарил старушку и начал возвращаться в безудержной радости. Его планы сработали! Он будет свободен от Дурслей на целый месяц !

Его вращение было прервано массой, которая внезапно захрипела, когда Гарри столкнулся с ней. Он падал на задницу и услышал перед собой тихий стон, но был слишком занят, следя за тем, чтобы держать приз в руках. Его вывели из задумчивости, когда он услышал тихий лязг сбоку и заметил палочку.

Палочка, которая ему не принадлежала. В замешательстве уставившись на палочку, он собирался ее поднять, когда услышал, как рядом с ним перехватило дыхание.

" Жезл Ассио! "

Гарри поднял глаза и увидел, что брюнетка-подросток крепко сжимает палочку, и, как он предположил, ее родители в ужасе смотрели между ним и своей дочерью, в частности, отец выглядел довольно мрачным.

«Линдси! Тебе приходилось использовать магию перед не-магом?» - резко прошипела мать с грубым американским акцентом.

« Подожди. Нет-майор? Какого черта? »

«Извини, я запаниковала», - быстро сказала девочка, отступая к себе и осторожно глядя на отца, «папа, ты можешь э-э ... вспомнить?»

«Дорогая, это уже третий раз, когда я делаю это», - раздраженно сказал высокий мужчина, оглядываясь, чтобы посмотреть, не наблюдает ли кто-нибудь за сценой, прежде чем вытащить длинную темную палочку из куртки, «если ты не можешь удержать руку. вашей палочки, когда мы на улице, вы не вынимаете ее из кобуры " .

Повернувшись к Гарри, который все еще был неподвижен и шокирован семьей перед ним, мужчина вздохнул и направил палочку на свою голову: «Прости, малыш, я ненавижу это делать, но я не могу, чтобы ты это помнил. Облива- "

Это заставило подростка внезапно очнуться от того, что вот-вот должно было случиться, и он подскочил: «Ого, я волшебник, я волшебник, не забывай меня!»

Мужчина замер, но не опустил палочку: «Да. Вы можете вынуть палочку и доказать это?»

«У меня сейчас нет с собой палочки», - нервно сказал Гарри, гадая, не испортилась ли его партия «Феликса Фелициса».

«Какой волшебник не ходит с ними со своей палочкой?» - недоверчиво сказал мужчина, в то время как две женщины продолжали наблюдать за беседой с нервным выражением лица.

«Я не могу творить магию вне школы», - пожал плечами Гарри, все еще опасаясь, - «кажется бессмысленным таскать с собой палочку».

«Подожди», - нахмурился мужчина, наконец опустив палочку, но еще не убрав ее обратно, - «что ты имеешь в виду, ты не можешь творить магию вне школы?»

«Министерство магии не позволит несовершеннолетним волшебникам заниматься магией вне школы магии здесь, в Британии».

«Ну, это просто тупо», - усмехнулся мужчина.

"Ричард!" женщина упрекнула его, мягко ударив по руке, когда семья, наконец, расслабилась вокруг него.

«Что? Это правда, - защищался мужчина, защищаясь, поднимая руки вверх и раскрывая ладони, - что, если бы ему пришлось защищаться от не-мага?»

«Да ладно, это уже не 1700-е, - женщина закатила глаза на мужа, - мы больше не сжигаем вас на костре».

«Я просто говорю: Салем».

«Это было буквально в 1700-х, Ричард».

«Честно говоря, мама, не-маг напугал меня», - нерешительно отметила девушка и сразу поморщилась, когда ее мать резко повернула шею, чтобы посмотреть на нее, недоверчиво отвесив челюсть.

«Линдси, я не маг и твоя мать!»

«Я знаю», - объяснила девушка, слегка прикрываясь отцом, который изо всех сил старался выглядеть невидимым, «но ты крут и все такое. Некоторым людям в моей начальной школе не нравились мексиканцы, потому что они были коричневыми, как вы думаете, как они отреагируют, если увидят, как я машу палочкой? "

Женщина по-прежнему выглядела шокированной, но ничего не сделала, кроме как бросила на дочь взгляд, обещавший дальнейшие разговоры, заставляя девушку извиваться и смущенно смотреть на свои туфли.

«Ммм», - неловко прервал Гарри, заставив всех троих смущенно взглянуть на него, поскольку они забыли о молодом британском волшебнике. «Я так понимаю из комментария мексиканцев, что вы из Соединенных Штатов?» трое кивнули: «Так что вы делаете в Суррее? Не поймите неправильно, но я никогда не думал, что увижу другого волшебника в Литтл Уингинге».

«О, это было бы из-за меня, - улыбнулась женщина, - я работаю в банке, который запросил мой перевод в Лондон на летнюю работу по оценке некоторых компаний, базирующихся здесь, и, поскольку Лондон слишком дорогой, мы арендовали место здесь. Между прочим, меня зовут Джессика Андерсон, мой муж Ричард, а наша дочь Линдси ".

«Хороший для меня ты, малыш,» Ричард улыбнулся в приветствии, и их дочь махали счастливо из - за него, и улыбается , но иногда быстро смотрит на свою мать, как будто ожидая , что она помнит , что она почти нарушила статут секретности снова , «сделать ты живешь здесь? "

«Да, - кивнул Гарри, - зовите меня Гарри».

«Ну, Гарри, ты не против, если мы поговорим с твоими родителями?» человек спросил: «Джесс классно живет в Англии без магов, но мы с Линдси не привыкли к этому и ищем дорогу в Косой переулок, но люди из МАКУСА совершенно не помогли».

Мужчина, должно быть, заметил, что вежливая улыбка Гарри казалась намного более натянутой, потому что его дружелюбное лицо сразу же смутилось. Гарри сделал заметку, чтобы попытаться распространить свой недавно обретенный эмоциональный контроль на тему своих родителей, и слегка кашлянул, чтобы прочистить горло.

«Извини, но я сирота», - мужчина сразу же испугался того, что поднял эту тему, но Гарри отмахнулся от него, - «все в порядке, ты не мог знать. Я живу со своими родственниками, Дурслями, и они не очень восприимчивы к магии, поэтому я не думаю, что вам там будут рады».

«Черт, малыш, мне очень жаль», - слабо сказал мужчина, смущенно почесывая затылок. Гарри мягко улыбнулся ему и собирался уходить, когда мать прервала его.

«Погодите, вы сказали «Дурслей»? Какое-нибудь отношение к Grunnings Drills Corporation?»

«Да, вообще-то. Мой дядя Вернон там директор. Почему вы спрашиваете?»

«Корпорация Grunnings находится в моем списке компаний, ссуды которых я должна проверить, - взгляд женщины задумчиво сузился, - не могу объяснить, почему моего мужа не примут в их доме?»

«Вы сказали, что они не будут приветствовать волшебника в своем доме, но вы волшебник. Как вы тогда живете с ними?» - спросила молодая девушка с жестоким взглядом, поразительно похожим на взгляд ее матери.

Гарри застыл и слегка побледнел от значения того, что он только что рассказал, а Ричард, с его, казалось бы, хорошо развитым чувством паранойи по отношению к магглам, внезапно напряг челюсть, действие, которое сразу же было признано двумя женщинами. Когда Гарри не попытался отрицать это, девочка-подросток казалась разгневанной, а ее мать была недалеко от нее.

«Гарри, - ласково сказала женщина, - почему бы нам не пойти в наш арендованный дом поблизости и не выпить чашку кофе, и ты расскажешь мне все, что мне нужно знать для обзора компании твоего дяди?»

Гарри молча кивнул и двинулся за американскую семью, пока они молча шли к своему дому. Когда они это сделали, Гарри просто подумал: «Что, черт возьми, в этих зельях жидкой удачи?!»

<http://tl.rulate.ru/book/62719/1770967>